
Патриарх Иов и русские архиереи последней четверти XVI — начала XVII в.

Андрей Усачёв

Patriarch Iov and the Russian bishops of the last quarter of the 16th — early 17th century

Andrey Usachev

*(Russian State University for the Humanities, Moscow; Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO University), Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X2304003X, EDN: HLXODE

Обращаясь к эпохе первого русского патриарха Иова, современные исследователи в первую очередь уделяли внимание утверждению патриаршества, отношениям светских и духовных властей, церковной иерархии и биографиям отдельных архиереев¹. Персональный состав руководителей Русской церкви этого времени оставался на периферии внимания учёных². Эта историографическая лакуна особенно заметна на фоне появления ряда фундаментальных работ, посвящённых представителям светской элиты той поры³. Я попытаюсь частично заполнить её, обратив внимание на вопрос о принципах комплектования верхнего этажа системы церковного управления — епископата.

Если в карьере представителей светской элиты ключевую роль играла принадлежность к тому или иному роду, то жизненный путь церковных иерархов во многом определялся их духовным происхождением, нередко обуславливающим их близость к влиятельным внутрицерковным группам. Этим и определяется важность изучения контактов архиереев с монастырями, где они принимали постриг, воспитывались, с которыми многие годы поддерживали отношения. Существовала ли связь между отбором кандидатов на замещение вакантных кафедр и их духовным происхождением в эпоху Иова и его предшественников?

© 2023 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 20-18-00218,
<https://rscf.ru/project/20-18-00218/>

¹ 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1990; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М., 1998. С. 495–517; *Павлов А.П.* Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 76. Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14.–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 65–79; *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство» в начале Смуты. Московские патриархи, российские монастыри, духовенство. М.; СПб., 2021. С. 44–118; *Башнин Н.В.* Митрополит Иона (Думин): книжник и политик // *Российская история*. 2021. № 5. С. 48–60.

² Исключением является небольшая статья И.А. Устиновой, которая, однако, основное внимание уделяет архиереям эпохи Смуты (*Устинова И.А.* Архиерейский корпус русской Церкви в 1598–1619 гг.: состав и динамика // *Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия*. Сборник трудов конференций. М., 2018. С. 92–98).

³ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004; *Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв. (Очерки истории)*. СПб., 2006; *Беляков А.В.* Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2022.

Для решения этого вопроса следует обратить внимание на духовное происхождение самого Иова: принадлежал ли он к какой-либо влиятельной внутрицерковной группе?

Приведу факты биографии Иова, которые ускользнули от внимания исследователей, отмечавших его близость к иосифлянам⁴. «История о первом патриархе Иове Московском» сообщает, что он происходил из удельной Старицы и принял постриг в старицком Успенском монастыре в середине XVI в. (точная дата неизвестна) при архимандрите Германе, у которого Иов находился «в покорении и послушании»⁵. Из этой фразы можно заключить, что он являлся непосредственным наставником Иова. Кем же являлся Герман?

На первый взгляд, в данном источнике мог фигурировать один из самых известных выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря – казанский архиепископ Герман (Садырев-Полев), ранее непродолжительное время возглавлявший старицкий Успенский монастырь⁶. Единственное известное упоминание Германа в этой роли относится к 1551/52 г.⁷ Под 12 июня – 25 декабря 1554 г. он фигурировал уже как казначей обители Иосифа Волоцкого⁸. По-видимому, Герман вернулся в неё ранее: 22 декабря 1553 г. он доставил в волоколамский монастырь осуждённого Собором Матвея Башкина. Согласно Летописцу обители Иосифа, Герман являлся настоятелем старицкого монастыря 2,5 года, после чего более года проживал в волоколамском монастыре и затем был отправлен в Казань (февраль 1555 г.)⁹. Соответственно, Успенским монастырём он должен был управлять примерно с середины 1551 до конца 1553 или до начала 1554 г. Герман являлся представителем одного из «системообразующих» родов обители Иосифа. Полевы на протяжении нескольких поколений были связаны с ней, по крайней мере, с рубежа XV–XVI вв. В частности, отец Германа – Филофей (в миру – Фёдор) – около 30 лет (1530/31–1561) являлся её соборным старцем, а некоторое время казначеем и келарем. Впрочем, учитывая кратковременный характер пребывания Германа (Садырева-Полева) в старицкой обители, в литературе высказывалось мнение, что речь могла идти о другом настоятеле Успенского монастыря с тем же именем. Кроме того, согласно поздним источникам, Иова в 1607 г. похоронили в старицком Успенском монастыре «подле ево начального отца того же монастыря архимандрита Германа» (тело Германа (Садырева-Полева) перенесли в Казань в 1592 г.)¹⁰.

Скорее всего, им являлся другой влиятельный волоколамский инок – Герман (Слепушкин). Под 1540/41 г. он упоминается как один из соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря, осуществлявших покупку земельных владений для обители: Герман упомянут на третьем месте после ранее возглавлявшего монастырь Герасима (Ленкова) и будущего симоновского насто-

⁴ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 307, 309, 315–317.

⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 13. СПб., 1891. Стб. 923–924.

⁶ *Салимов А.М., Салимова М.А.* Старицкий Успенский монастырь. М., 2008. С. 77.

⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее – АФЗХ). Ч. 2. М., 1956. № 236. С. 239.

⁸ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.; Л., 1948. С. 51, 52, 54, 55.

⁹ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 18, 20.

¹⁰ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 315, примеч. 187.

ятеля и суздальского епископа Трифона (Ступишина) и ранее келаря Исаака (Зайцева)¹¹. В 1545/46 г. Герман доставил в обитель Иосифа вклад Якова, Василия и Пантелея Григорьевичей Гнильевских (20 руб.) по своём отце¹². Спустя какое-то время он возглавил старицкий Успенский монастырь. Определяя период его жизни в нём, обратим внимание на сообщение о том, что он дал в долг кн. Ю.В. Лыкову 5 руб.¹³ Настоятелем старицкого Успенского монастыря Герман в источнике не именуется, но из него прямо следует, что долг был дан на территории Старицкого удела кн. Владимира Андреевича (т.е. между 1541 и 1566 гг.). Составленная же между 1547 и 1565 гг. духовная кн. Ю.А. Оболенского именуется Германа строителем старицкого Успенского монастыря¹⁴. Учитывая время пребывания в нём Германа (Садырева-Полева), проживание там Германа (Слепушкина), и, соответственно, приход Иова можно отнести либо к 1547–1551 гг., либо ко времени около 1552–1565 гг. В случае с Германом (Слепушкиным) речь шла о представителе семьи, в XVI в. тесно связанной с обителью Иосифа. Самым известным Слепушкиным являлся волоколамский инок Савва, в 1536–1538 гг. занимавший Смоленскую кафедру.

В связи двух настоятелей подряд старицкого Успенского монастыря¹⁵ с обителью Иосифа¹⁶ нет ничего удивительного – помимо монастырей Москвы и Подмосковья (Симонова, Новоспасского, Николо-Угрешского и иных) в рассматриваемый период она поддерживала контакты с рядом обителей Тверской земли. На территории Тверского, Старицкого, Зубцовского, Клинского и Микулинского уездов в XVI в. имелись земельные владения волоколамского монастыря. Он располагал дворами, по крайней мере, в Ржеве, Старице и Твери¹⁷. Выходцы из волоколамского монастыря возглавляли также Селижаров Троицкий и, вероятно, новоторжский Борисоглебский монастыри. Так или иначе были связаны с обителью Иосифа делавшие в неё вклады настоятели и старцы калязинского Макарьева, тверских Спасского, Саватьева и Фёдоровского, ржевского Иоанна Предтечи монастырей¹⁸. Среди иноков обители Иосифа, судя по их антропонимам и катайконимам, были десятки выходцев с территории Тверской земли – из Твери, Ржева, села Луковниково (Старицкий уезд)¹⁹. Очевидно, связи обители Иосифа с этим регионом

¹¹ АФЗХ. Ч. 2. № 158. С. 151.

¹² *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упразднённые монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 83.

¹³ АФЗХ. Ч. 2. № 370. С. 411–412.

¹⁴ Там же. № 207. С. 207. «Строителем» Германа именуют и упоминаемые без дат в описи документов монастыря акты (Описные книги старицкого Успенского монастыря 7115–1607 г. Старица, 1911. С. 49).

¹⁵ Известны и другие примеры того, как выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря, следуя друг за другом, управляли монастырями. Так, симоновскими настоятелями являлись Савва Чёрный (1543–1544), Трифон (1544–1549) и Алексей (1550–1555) (Ступишины). Николо-Угрешский монастырь возглавляли Пимен (Садыков) (ок. 1561 – ок. 1571) и Тихон (Хворостинин) (ок. 1571–1573).

¹⁶ Вероятно, с их пребыванием в старицком Успенском монастыре можно связывать появление в библиотеке последнего «книги духовной старца Иосифа в полдесть на бумаге», упоминаемой описью обители 1607 г. (Описные книги старицкого Успенского монастыря... С. 32).

¹⁷ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 179, 181, 183, 188.

¹⁸ *Титов А.А.* Указ. соч. С. 77, 88, 91, 102.

¹⁹ *Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов.

способствовало многолетнее пребывание на Тверской кафедре иосифлянина Акакия (1522–1567).

Как видно, будущий патриарх с первых лет иноческой жизни поддерживал близкие отношения по крайней мере с одним значимым представителем самой влиятельной внутрицерковной группы XVI в. Вполне вероятно и его связь непосредственно с обителью Иосифа. Если она действительно существовала, то, учитывая характерную для рассматриваемого периода продолжительность связей иноков с тем или иным монастырём²⁰, она должна была проявиться позднее.

Обратим внимание на приходо-расходные книги волоколамского монастыря. Под 13 декабря 1592 г. в них сообщается, что «был у Пречистые в дому *патриаршеской брат* (выделено мной. – А.У.) старец Мокарей, дал на молебен гривну денег»²¹. Речь идёт о ближайшем к патриарху лице – неизвестном по другим источникам его брате²² – ещё в начале 1590-х гг. поддерживавшем контакты с обителью Иосифа. Учитывая факты биографии старицкого периода Иова, трудно сомневаться, что этот контакт установился ещё в середине XVI в. Вряд ли далеки от истины исследователи, полагавшие, что почитание Иовом Иосифа Волоцкого²³, выразившееся в установлении ему общерусского почитания в 1591 г., следует рассматривать в этом контексте²⁴.

Безусловно, личная связь Иова с обителью Иосифа существовала, однако переоценивать её не стоит. Во-первых, значительного числа вкладов первосвященника и его родственников в неё не наблюдается. Очевидно, что Иов не планировал и уход в волоколамский монастырь. Во-вторых, отмечая несомненный факт установления почитания Иосифу на Освященном соборе, чьи решения во многом определял Иов, обратим внимание и на некоторые другие. В период Иова установили местное почитание московскому подвижнику Василию Блаженному (1588). В 1595 г. перенесли на Соловки из Твери мощи митрополита Филиппа (Колычева), которому также установили местное почитание. В 1595 г. установлено почитание казанским святым Гурию и Варсонофию, в 1600 г. – Корнилию Комельскому. Установление почитания Иосифу хорошо укладывалось в комплекс мер Иова, направленных на повышение авторитета региональных деятелей Русской церкви XVI в. Говорить об особом расположении Иова именно к обители Иосифа не приходится. Он был к ней заметно ближе, нежели к Троице или Кириллову, но не более того. Это проявилось, в частности, и в отборе Иовом кандидатов на кафедры.

Чтобы составить представление о критериях, которыми мог руководствоваться Иов, приведём данные о духовном происхождении архиереев, постав-

Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 252, 255, 258–260, 263, 267, 270, 274, 276, 285, 288, 291, 293.

²⁰ Известны вклады Иова в старицкую обитель в 1601/02 г., т.е. сделанные спустя три десятилетия после его ухода из неё. Давал Иов вклады в этот монастырь и позднее, уже после ухода с Всероссийской кафедры (Описные книги старицкого Успенского монастыря... С. 15, 20, 33).

²¹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. М.; Л., 1987. С. 196.

²² Имя Макарий отсутствует в известных перечнях родичей Иова в синодиках (Тверские епархиальные ведомости. 1898. № 4. С. 104, примеч. 2).

²³ В составе личного имущества покинувшего Всероссийскую кафедру Иова находился «образ Пречистой Богородицы, а пред нею молящийся Иосиф Волоцкий» (Описные книги старицкого Успенского монастыря... С. 75).

²⁴ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 315–316.

ленных в период его святительства (1586–1605). Оговорю условность имеющих данных. Порой в источниках есть сведения о том, что настоятель того или иного монастыря был поставлен на кафедру, но это не всегда означает, что именно здесь он принял постриг. Впрочем, также следует учитывать, что неплохо сохранившиеся архивы крупнейших монастырей содержат информацию об их воспитанниках, ставших архиереями.

Хотя на Новгородскую кафедру Варлаама (1592–1601) поставили из архимандритов московского Чудова монастыря, он, согласно моему предположению, происходил из братии обители Иосифа, в миру являясь священником одной из церквей, расположенных на территории её владений в Рузском уезде²⁵. Преемник Варлаама на кафедре Исидор (1603–1619) являлся постриженником Соловецкого монастыря. В 1591–1592 гг. он возглавлял Александров Свирский монастырь. С 1593/94 до 1596 г. Исидор пребывал в Троице, являясь её келарем, после чего вернулся на Соловки, возглавил монастырь, а спустя несколько лет его поставили на Новгородскую кафедру. Выходца из белого духовенства Казани Гермогена (1589–1606) на Казанскую кафедру поставили из архимандритов казанского Спасо-Преображенского монастыря.

Уроженец Корелы ростовский митрополит Варлаам (Рогов) (1587–1603) в различные периоды жизни возглавлял Соловецкий, Кирилло-Белозерский и владимирский Рождественский монастыри. Наиболее сильной была связь Варлаама с Кирилло-Белозерской обителью, где он, по-видимому, принял постриг. Из кирилловских игуменов его и возвели на кафедру. Суздальского владыку Галактиона (1594–1609) поставили на кафедру из архимандритов казанского Спасо-Преображенского монастыря²⁶. Однако, судя по всему, он принял постриг в другой обители. В вологодском Спасо-Прилуцком монастыре под 20 марта 1586 г. и 21 мая 1589 г. упоминается игумен Галактион²⁷. На то, что это один и тот же человек, указывает соблюдение неписанной традиции, зафиксированной в ряде источников рассматриваемого периода: как правило, вскоре после хиротонии новый архиерей независимо от места проживания давал вклад в *alma mater*. Так, 19 января 1596 г. «прислал в (Спасо-Прилуцкий. — А.У.) монастырь вклад суздальской архиепископ Галактион с келарем Иосифом 30 руб. денег к старому своему вкладу». Не забывал Галактион обитель и позднее: 23 января 1600 г. «прислал из Суздаля преосвященный Галактион архиепископ на брацкой корм 2 руб. 32 алт. денег»²⁸. Неудивительно, что имя Галактиона зафиксировано в кормовой книге Спасо-Прилуцкого монастыря (под 13 июля), сообщающей общий размер его вкладов — 100 руб.²⁹

Духовное происхождение ближайшего к Иову лица — крутицкого митрополита Геласия (1586–1601) — вероятно, было связано с Симоновым монастырём.

²⁵ Усачёв А. С. «Социальное приданое» дочери Малюты: Б.Ф. Годунов и Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (в печати).

²⁶ Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2 / Подгот. А.В. Антонов. М., 2018. № 6427–6429. С. 263.

²⁷ Черкасова М.С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI–XVII вв.: экономика, демография, культура. Вологда, 2022. № 31, 33. С. 302, 305–306.

²⁸ Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. М.; Л., 1979. С. 342, 355.

²⁹ Кормовая книга вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря // Известия Императорского археологического общества. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1861. Стб. 324.

Его архимандритом он являлся от нескольких месяцев до года (перешёл на Крутицкую кафедру не позднее ноября 1586 г.). В этот монастырь незадолго до кончины (26 сентября 1601 г.), 31 августа 1601 г., Геласий дал вклад³⁰. Преемника Геласия — Пафнутия (1605—1611) — на кафедру поставили из архимандритов столичного Чудова монастыря. Хотя Пафнутий возглавлял обитель длительное время (1595—1604), принял постриг он в вологодском Павлове Обнорском монастыре. На это указывает вкладная запись 1599/1600 г. списка толковой Псалтири перевода Максима Грека в Чудов монастырь. В ней Пафнутий сообщил, что являлся «постриженником Павлова монастыря, иже на Обноре»³¹.

Вероятно, дмитровец по происхождению рязанский архиепископ Митрофан (1588—1598) на кафедру был поставлен из архимандритов Троице-Сергиева монастыря. Происхождение вологодского (1588—1603), позднее ростовского (1603 — между 1604 и 1605 гг.) владыки Ионы (Думина) связано с владимирским Рождественским монастырём³². Преемником Ионы на Вологодской кафедре являлся кирилловский постриженник Иоасаф (1603—1609)³³. Преемником Ионы (Думина) на Ростовской кафедре стал Кирилл (Завидов) (1605—1606). Хотя его поставили из троицких архимандритов, его духовное происхождение связано с другой обителью — в 1580—1594 гг. он являлся игуменом новгородского Антониева монастыря³⁴.

Вероятно, духовное происхождение двух первых псковских епископов связано с обителями северо-запада. Мисаил (1589—1592) — бывший архимандрит новгородского Юрьева монастыря. Его преемник Геннадий (1594—1608) ранее являлся игуменом псковского Снетогорского монастыря. Занимавший в 1599—1610 гг. Карельскую кафедру Сильвестр ранее являлся архимандритом московского Симонова монастыря. Рязанскую и специально созданную кафедру Архангельского собора занимали два переехавших в Россию грека — Игнатий (1602—1605) и Арсений (Элассонский) (1597—1613) (их последующее движение по ступеням церковной иерархии выходит за рамки эпохи Иова). Тверскую кафедру в 1603—1609 гг. занимал Феоктист, поставленный из игуменов Герасимова Болдина монастыря. О духовном происхождении смоленского архиепископа Феодосия (1592—1605) и рязанского архиепископа Варлаама (1598—1601) трудно сказать что-либо определённое. Есть лишь косвенные данные, позволяющие предполагать, что они не являлись выходцами из Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского и Соловецкого монастырей. На это указывает отсутствие упоминаний Феодосия и Варлаама среди насельников этих обителей.

³⁰ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. А.И. Алексеев // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 46, 48. П.М. Строев не фиксирует настоятеля с таким именем, упоминая Иосифа (1584—1586) и Тихона (1587/88—1593) (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 150—151).

³¹ Цит. по: *Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 1. М., 2017. С. 26. Связь Пафнутия с вологодским монастырём отмечалась ранее (Сарайская и Крутицкая епархии. Материалы, собранные священником Н.А. Соловьёвым // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. С. 63).

³² Наиболее полный обзор фактов биографии Ионы см.: *Башнин Н.В.* Митрополит Иона (Думин)... С. 48—60.

³³ *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. Т. 2. СПб., 2006. С. 120—121.

³⁴ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 58.

Закономерен вопрос: в чём именно заключалась специфика подбора кандидатов на замещение кафедр при Иове и как она соотносилась с практикой более раннего времени? В поисках ответа обратим внимание на более ранний материал. Его привлечение позволяет создать более полное представление об особенностях состава епископата в эпоху Иова. В обобщённом виде (см. таблицу) представим сведения не только о русских архиереях того времени, но и о замещении кафедр при предшественниках Иова, занимавших Всероссийскую кафедру сопоставимый срок – Симоне (1495–1511), Данииле (1522–1539) и Макарии (1542–1563).

Периоды первосвятительства Симона и Даниила отмечены резким возрастанием числа архиереев, представлявших троицкую и волоколамскую внутрицерковные группы. Из 12 архиереев, поставленных в 1495–1511 гг. (включая и самого Симона), пять несомненно и ещё один (Митрофан) вероятно являлись выходцами из Троице-Сергиева монастыря. Троицкие насельники, ставшие архиереями, могли составлять до половины от общего числа лиц, поставленных на кафедры в тот период. Не менее показательна и картина, характерная для периода митрополита Даниила. В 1522–1539 гг. из восьми поставленных в этот период архиереев четверо (включая и Даниила) представляли Иосифо-Волоколамский монастырь. В период первосвятительства Симона и Даниила прочие обители, как правило, представлены одним, гораздо реже – двумя кандидатами. При этом доминируют древние и значимые монастыри столицы (Богоявленский), юго-запада (Пафнутиев Боровский) и центра (Спасо-Евфимиев). Доля выходцев из далёких от столицы и менее статусных обителей (владимирский Никольский Волосов, Кириллов, вологодские Дионисиев Глушицкий и Павлов Обнорский) сравнительно невысока – 4 архиерея из 20. За исключением рязанского епископа Ионы они возглавляли кафедры, занимавшие в церковной иерархии последние строки – Коломенскую и Пермскую. В целом же периоды первосвятительства Симона и Даниила отмечены доминированием соответствующих внутрицерковных групп.

Иную картину мы наблюдаем при Макарии. Хотя он и был близок к волоколамской группе, напрямую ни к ней, ни к какой-либо другой не принадлежал. Это отразилось и на подборе кандидатов. Волоколамские иноки продолжали играть значимую роль среди архиереев, численно возвышаясь над прочими. Пять насельников волоколамского монастыря заняли значимые кафедры – Новгородскую (2-е место в иерархии), Казанскую (3-е), Полоцкую (5-е), а также Суздальскую и Крутицкую. Место последней в иерархии было не слишком высоким, однако постоянно пребывавший в столице крутицкий владыка являлся ближайшим сподвижником митрополита, помогая ему в управлении обширной Митрополичьей областью. Нетрудно заметить, что при Макарии эту кафедру занимали преимущественно выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря. Следует помнить, что Тверскую кафедру в тот период бесспорно возглавлял Акакий, поставленный ещё Даниилом. Очевидно, что выходцы из обители Иосифа численно преобладали над выходцами из прочих обителей.

Однако говорить об их «засилье» в тот период нельзя. Среди поставленных Макарием архиереев находим изрядное число лиц, представлявших две другие ключевые внутрицерковные группы – троицкую и кирилловскую. Первую представляли четыре архиерея, вторую – пять. И те и другие занимали значимые кафедры – Новгородскую, Ростовскую, Смоленскую, Рязанскую, а также Пермскую и важную с точки зрения церковного управления Крутицкую. Как

видим, число поставленных на кафедры выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря (пять) сопоставимо с числом выходцев из Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Таким образом, три ключевые обители дали 14 архиереев из 21 поставленного Макарием. Также наблюдаем и наметившуюся ранее тенденцию к сохранению особого положения старых обителей столицы: из Новоспасского, Симонова, Чудова и Богоявленского монастырей поставили пять архиереев. Таким образом, была предпринята попытка соблюсти баланс между ключевыми внутрицерковными группами без чрезмерного усиления какой-либо одной из них.

Таблица

**Предположительные места пострижения архиереев Русской церкви
конца XV – начала XVII в.**

| Монастырь | Кафедра | Архиерей | Время пребывания на кафедре |
|--|--------------------------|---------------------|-----------------------------|
| При митрополите Симоне | | | |
| Троице-Сергиев | Всероссийская | Симон | 1495–1511 |
| | Новгородская | Серапион I | 1506–1509 |
| | Рязанская | Протасий | 1496–1515 |
| | Крутицкая | Евфимий Подрез | 1496–1499 |
| | | Досифей Забела | 1508–1544 |
| Коломенская | Митрофан | 1507–1518 | |
| Павлов Обнорский | Коломенская | Никон | 1502–1504 |
| Московский Богоявленский | Крутицкая | Трифон | 1499–1507 |
| | Тверская | Нил | 1509–1521 |
| Пафнутьев-Боровский, Иосифо-Волоколамский | Ростовская | Вассиан (Санин) | 1506–1515 |
| Пафнутьев-Боровский (?) | Суздальская | Симеон (Стремоухов) | 1509–1515 |
| Дионисиев Глушицкий | Пермская | Никон | 1502–1514 |
| При митрополите Данииле | | | |
| Иосифо-Волоколамский | Всероссийская | Даниил | 1522–1539 |
| | Коломенская | Вассиан (Топорков) | 1525–1542 |
| | Тверская | Акакий | 1522–1567 |
| | Смоленская | Савва (Слепушкин) | 1536–1538 |
| Пафнутиев Боровский | Новгородская | Макарий | 1526–1542 |
| Кирилло-Белозерский | Пермская | Алексей | 1525–1545 |
| Спасо-Евфимиев | Ростовская | Кирилл | 1526–1538 |
| Никольский Волосов | Рязанская | Иона | 1522–1547 |
| При митрополите Макарии | | | |
| Пафнутьев-Боровский | Всероссийская | Макарий | 1542–1563 |
| Иосифо-Волоколамский | Новгородская | Феодосий | 1542–1551 |
| | Казанская | Гурий (Руготин) | 1555–1563 |
| | Суздальская, Полоцкая | Трифон (Ступишин) | 1549–1551, 1563–1565 |
| | | Савва Черный | 1544–1554 |
| | Крутицкая | Нифонт (Кормилицин) | 1554–1558 |

| | | | |
|-----------------------------------|----------------------------|-----------------------|---|
| Троице-Сергиев | Новгородская | Серапион II (Курцев) | 1551–1552 |
| | Ростовская | Алексей | 1543–1548 |
| | | Никандр | 1549–1566 |
| | Рязанская | Гурий | 1554–1562 |
| Кирилло-Белозерский | Новгородская | Пимен* | 1552–1570 |
| | Смоленская | Семион | 1555–1568 |
| | Рязанская | Кассиан | 1551–1554 |
| | Суздальская, Полоцкая | Афанасий | 1551–1564, 1566–1568 |
| | Крутицкая | Матвей | 1559–1564 |
| Новоспасский | Коломенская | Феодосий | 1542–1559 |
| Чудов | Суздальская | Иона Собина | 1544–1548 |
| | Рязанская | Михаил | 1548–1551 |
| Симонов | Рязанская | Филофей | 1562–1569 |
| Московский Богоявленский | Пермская | Киприан | Ок. 1546–1562 |
| Не установлено | Коломенская | Варлаам | 1560–1564 |
| | Пермская | Иоасаф | Ок. 1562 – ок. 1569 |
| При патриархе Иове | | | |
| Старицкий Успенский | Всероссийская | Иов | 1586–1605 |
| Иосифо-Волоколамский | Новгородская | Варлаам | 1592–1601 |
| Соловецкий | | Исидор | 1603–1619 |
| Казанский Спасо-Преображенский | Казанская | Гермоген | 1589–1606 |
| Кирилло-Белозерский | Ростовская | Варлаам (Рогов) | 1587–1603 |
| | Вологодская | Иоасаф | 1603–1609 |
| Спасо-Прилуцкий | Суздальская | Галактион | 1594–1609 |
| Павлов Обнорский | Крутицкая | Пафнутий | 1605–1611 |
| Герасимов Болдин | Тверская | Феоктист | 1603–1609 |
| Троице-Сергиев | Рязанская | Митрофан | 1588–1598 |
| Владимирский Рождественский | Вологодская, Ростовская | Иона (Думин) | 1588–1603, 1603 – между 1604 и 1605 |
| Новгородский Антониев | Ростовская | Кирилл (Завидов) | 1605–1606 |
| Новгородский Юрьев | Псковская | Мисаил | 1589–1592 |
| Снетогорский | | Геннадий | 1594–1608 |
| Симонов | Крутицкая | Геласий | 1586–1601 |
| | Карельская | Сильвестр | 1599–1610 |
| Не установлено | Смоленская | Феодосий | 1592–1605 |
| | Рязанская | Варлаам | 1598–1601 |
| | | Игнатий | 1602–1605 |
| | Архангельского собора | Арсений (Элассонский) | 1597–1613 |

* Возможно происхождение Пимена и из тесно связанной с обителью Кирилла Пошехонской Адриановой пустыни (*Маханько М.А.* Где был пострижен на кафедру архиепископ Пимен? К вопросу об отношениях Кирилло-Белозерского монастыря и новгородского владыки в XVI веке // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Вологда, 2005. С. 12–20).

В период правления Иова наблюдаем иную ситуацию. Обращает на себя внимание «случайный» на первый взгляд характер подбора кандидатов на кафедры. Среди них — уроженцы и насельники северо-запада, центра и севера страны, а также прибывшие в Россию греки. При этом речь идёт о широком круге обителей. В него входили и те монастыри, откуда архиереев ранее ставили либо крайне редко, либо не ставили вовсе. В их числе наряду с традиционными «кузницами» руководителей Церкви (обителями Сергия, Кирилла и Иосифа) и некоторыми другими значимыми древними монастырями (московским Симоновым, владимирским Рождественским, новгородским Юрьевым) представлены казанский Спасо-Преображенский, Соловецкий, Герасимов Болдин, псковский Снетогорский, вологодские Спасо-Прилуцкий и Павлов Обнорский монастыри.

Важно отметить, что при Иове не наблюдалось доминирования (тем более тотального) какой-либо одной обители или их узкой группы. Архиереи вышли из по меньшей мере 14 монастырей. За исключением Кириллова и Симонова, давших по два владыки, прочие «отметились» лишь одним. Нетрудно заметить, что, согласно приговорам Соборов 1589 и 1598 гг., сохранив значимые позиции в церковной иерархии, некогда очень влиятельные обители — Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, а также Новоспасский, Симонов, Чудов и Богоявленский монастыри — фактически утратили прежнюю монополию на формирование ядра церковной иерархии. В эпоху Иова самое активное участие в этом процессе стали принимать ранее менее значительные монастыри.

Данные о распределении поставленных на кафедры владык в период правления четырёх русских первосвятителей конца XV — начала XVII в. дают возможность зафиксировать отчётливо проступающую тенденцию в эволюции состава епископата. При Симоне и Данииле две влиятельные внутрицерковные группы пытались закрепить своё доминирование. Эпоха Макария отмечена попыткой первосвятителя нащупать баланс между тремя ключевыми обителями, из которых вышло сопоставимое число архиереев, составивших подавляющее большинство от их общего числа. Время Иова характеризуется отказом от доминирования какой-либо одной обители или их узкой группы с последующим привлечением более широкого их круга при отборе кандидатов на замещение кафедр. Поиски ответа на вопрос, с чем это могло быть связано, побуждают обратить внимание на влияние ряда факторов.

На рубеже 1560–1570-х гг. территории значительной части страны — в первую очередь её центр, северо-запад и северо-восток — охватили несколько эпидемий. Их прямым следствием стали огромные демографические потери, трудно восполнимые за короткий срок. Очевидно, что в первую очередь страдали крупные населённые пункты, а также монастыри. В частности, Иосифо-Волоколамский монастырь лишился подавляющего большинства иноков — не менее 123³⁵. Исходя из того, что в ряде прочих крупных монастырей Москвы и Подмосковья — Симонове, Николо-Угрешском, Троице-Сергиеве, — судя по данным датированных рукописных книг, резко сократились книгописные работы, полагаю, что Иосифо-Волоколамский монастырь оказался далеко не единственной обителью, понёсшей значительные людские потери³⁶. Учитывая

³⁵ Усачёв А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 109–110.

³⁶ Усачёв А.С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // Российская история. 2019. № 6. С. 190.

длительность периода подготовки потенциального руководителя Церкви (как правило, не менее двух десятилетий), трудно сомневаться, что эти монастыри испытывали недостаток образованных иноков годы спустя после мора. С этим, вероятно, и связаны меры, принятые предшественниками Иова, в 1570-х — середине 1580-х гг. поставившими на кафедры выходцев из менее значительных монастырей — Стефано-Махрицкого, Псково-Печерского, Герасимова Болдина и др.³⁷

Фиксируя несомненные людские потери, понесённые рядом значимых монастырей центра страны, следует иметь в виду, что одна из трёх ключевых «кузниц» архиереев — Кирилло-Белозерский монастырь — от мора не пострадала. В последней четверти XVI в. эта обитель несомненно располагала каким-то числом иноков с внушительным «стажем», уровнем подготовки и способностями, необходимыми руководителям Церкви. По наблюдениям И.М. Грицевской, изучившей библиотеку влиятельного кирилловского соборного старца Леонида (Ширшова), её состав (в него, в частности, входили списки памятников канонического права) отражал его карьерные устремления самого высокого уровня³⁸. Однако ни Леонид, ни многие другие старцы Кириллова монастыря на кафедры поставлены не были. Кроме того, за полтора—два десятилетия — к 1590-м гг. — численность иноков в других пострадавших от мора крупнейших обителях возросла. В Троице-Сергиевом монастыре, в частности, в эти годы проживали не менее 220 иноков, из которых лишь один стал впоследствии архиереем. На мой взгляд, это можно объяснить лишь одним: значительные демографические потери традиционных центров подготовки руководителей Церкви на рубеже 1560—1570-х гг. являлись значимой, но не единственной причиной постепенной утраты ими контроля над формированием иерархии.

На протяжении всего XVI в. Троице-Сергиев монастырь, с 1561 г. возглавлявший монастырскую иерархию как по своему духовному авторитету, так и по числу иноков, близости к представителям политической элиты и финансовым возможностям, вне всяких сомнений являлся наиболее значительной обителью. Очевидно, это явилось следствием беспрецедентного распространения в России XVI в. культа радонежских святых. Однако привлекает внимание одно любопытное обстоятельство. Не позднее 1593/94 г. столичные власти предприняли комплекс мер, направленных на ослабление автономии Троице-Сергиева монастыря, опиравшийся на исключительное влияние монастырской администрации — проживавших в обители многие годы и даже десятилетия соборных старцев. Именно из их числа выходили казначеи, келари и архимандриты. При этом полномочия последних носили ограниченный характер, на что указывает текст приговора об избрании троицким архимандритом Митрофана (1584), обязывавший его согласовывать свои действия с представителями монастырской верхушки³⁹. В 1593/94 г. по инициативе властей (формально — по распоряжению царя Фёдора Ивановича) в Троицу с Соловков прибыло около десят-

³⁷ Усачёв А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 113.

³⁸ Грицевская И. М. Старец Кирилло-Белозерского монастыря Леонид Ширшов и его книжное собрание // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 220.

³⁹ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. СПб., 1884. № 274. Стб. 25—28.

ка иноков. Став соборными старцами, казначеями и келарями, они фактически взяли под контроль самое крупное (после дворцового) хозяйство страны⁴⁰.

Фигуры троицких настоятелей рассматриваемого периода демонстрируют стремление властей ограничить автономию главной русской обители. Почти одновременно с соловецкими иноками в 1594 г. в Троицу прибыл и новый архимандрит — игумен новгородского Антониева монастыря Кирилл (Завидов). Судя по тому, что Кирилл был настоятелем главного русского монастыря более десятилетия и после отхода от дел Ионы (Думина) возглавил престижную Ростовскую кафедру, он пользовался доверием властей. Его преемник — Иоасаф (1605—1609) — ещё при Иове прибыл из Пафнutieва Боровского монастыря⁴¹. Как видим, власти предпринимали системные меры, направленные на ограничение самостоятельности главной русской обители путём насыщения её администрации выходцами из иных монастырей. О.В. Панченко соответствующие действия властей связал с нарушением троицкими старцами соборных запретов на вклад в монастырь новых земель (1580 и 1584 гг.), сокращавших фонд владений служилых землевладельцев, а также с описанием троицких вотчин в 1592—1594 гг.⁴² Ревизия земельного фонда на предмет правомерности владений теми или иными землями затронула не только Троице-Сергиев монастырь, но и другие состоятельные обители — Кирилло-Белозерский и родовой монастырь Годуновых — костромской Ипатьев⁴³. Это могло иметь значение при отборе кандидатов на кафедры.

При этом, конечно, царь Фёдор, а позднее и Борис Годунов посещали Троицу, давали в неё богатые вклады⁴⁴, поддерживая доверительные отношения с отдельными её старцами. Едва ли не самого влиятельного троицкого старца той поры Варсонофия (Якимова) связывали исключительно близкие отношения с семьёй Фёдора Ивановича (старец был близок ещё к его отцу), а также с семейством Бориса Годунова. Именно Варсонофия в 1592 г. пригласили к крещению единственной дочери Фёдора Ивановича — царевны Февдосии. Неудивительно, что старец получал от царской четы щедрые дары, исчисляемые многими сотнями рублей. Принимал участие он и в крещении сына Бориса Годунова — Фёдора⁴⁵. Покровительство властей отдельным старцам Троице-Сергиева монастыря неплохо сочеталось со стремлением ограничить его автономию.

Нельзя исключить, что власти — прежде всего Борис Годунов и патриарх Иов — ослабляя влияние троицких старцев, руководствовались не только эконо-

⁴⁰ Панченко О.В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 55. СПб., 2004. С. 488—490; Французова Е.Б. Соловецкие иноки в Троице-Сергиевом монастыре в конце XVI — начале XVII века // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4(19/20). С. 255—270.

⁴¹ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 58, 139.

⁴² Панченко О.В. Из истории культурных связей... С. 489. Подробнее о расширении владений Троице-Сергиева монастыря и ответных шагах властей см.: Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 162—194.

⁴³ Веселовский С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. Вып. 10. М., 1941. С. 115—116.

⁴⁴ Мельник А.Г. Богомолья царей Фёдора Ивановича и Бориса Годунова // Макариевские чтения. Православная культура в период испытаний и потрясений. Вып. 27. Можайск, 2021. С. 171—174, 176—181.

⁴⁵ ЧОИДР. 1867. Кн. 3. С. 49; 1894. Кн. 4. С. 25—26.

номическими и административными соображениями. Троице-Сергиев монастырь в силу своего духовного авторитета и близости к двору долгие годы был связан с рядом аристократических родов (кн. Мстиславскими, кн. Шуйскими, кн. Глинскими, кн. Воротынскими, кн. Оболенскими, кн. Сицкими, кн. Татевыми, кн. Голицыными, кн. Куракиными, Морозовыми, Шереметевыми), чьи представители принимали здесь постриг и давали в обитель щедрые вклады⁴⁶. Очевидно, что подавляющее большинство из них трудно отнести к числу сторонников Годуновых⁴⁷. Годуновы, придя к власти, также давали вклады в Троицу, но, очевидно, их противники имели с ней более прочную связь.

Близки к противникам Годуновых были и иные значимые монастыри, из которых ранее ставили архиереев. Самый статусный монастырь столицы – Новоспаский – многие десятилетия был связан с Захарьиными-Кошкиными (Романовыми)⁴⁸. Главными ктиторами Симонова наряду с Головиными являлись кн. Мстиславские, а также их родич «татарский царь» Симеон Бекбулатович. Несмотря на вклады Годуновых в Кириллов монастырь, судя по составу его насельников и вкладчиков, он также не являлся обителью их сторонников⁴⁹.

Отмечу и исключительно важный факт: московских князей с Троице-Сергиевым, Симоновым, Чудовым и Спасским на Бору монастырями связывали близкие отношения ещё с XIV в. (достаточно вспомнить регента при малолетнем князе Дмитрие Ивановиче митрополита Алексия, а также духовных наставников ряда московских князей – Сергия Радонежского и его племянника Фёдора Симоновского). В годы Большой феодальной войны в этот узкий круг вошёл Кирилло-Белозерский монастырь, в первые десятилетия XVI в. – Иосифо-Волоколамский. По объективным причинам подобная многолетняя личная связь у костромичей Годуновых с этими обителями отсутствовала (их род долгие годы был связан с Ипатьевым и чуть позднее – с Герасимовым Болдиным монастырями). После кончины последнего дееспособного представителя династии Ивана IV (1584) близкие к ней обители *de facto* лишились главного покровителя. Хотя это напрямую и не отразилось на размере их земельных владений или формальном иерархическом статусе, спектр возможностей этих монастырей сузился. За 19-летний период архиереями стали лишь два выходца из Симонова монастыря, один – из Троице-Сергиева, двое – из Кирилло-Белозерского и ни одного – из Чудова и Новоспасского монастырей.

Обратим внимание также на связь первосвященителей с внутрицерковными группами. Как правило, в рассматриваемый период митрополит либо представлял какую-то влиятельную группу в Русской церкви, либо был с нею тесно связан. Неудивительно, что его поставление на Всероссийскую кафедру сопровождалось хиротониями других архиереев. Симон, Иоасаф (Скрипицын)

⁴⁶ Подробнее о персональном составе иноков и вкладчиков Троицы см.: Николаева С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

⁴⁷ О персональном составе противников Годуновых на разных этапах их борьбы за власть см.: Павлов А.П. Государев двор... С. 27–85.

⁴⁸ Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М., 2018.

⁴⁹ Панова Т.Д. Род Ховриных-Головиных и Московский Кремль // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 98–115; Беляков А.В. Симеон Бекбулатович... С. 17, 260, 275–276, 280, 281.

(1539–1542), Кирилл (1568–1572) представляли Троице-Сергиев монастырь. Антоний (1572–1581), по-видимому, происходил из московского Новоспасского, где его наставником, вероятно, являлся влиятельный иосифлянин Галактион, позднее занявший Крутицкую кафедру. Макарий и Афанасий (1564–1566) напрямую не принадлежали к числу волоколамских старцев, но были тесно связаны с ними многие годы. Вероятна связь выходца из Симонова монастыря Варлаама (1511–1521) с обителью Кирилла Белозерского (первосвятитель ранее являлся архимандритом Симонова монастыря, с конца XIV в. связанного с её основателем).

Нетрудно заметить, что с точки зрения степени близости к внутрицерковным группам наряду с Иовом выделяются Филипп (Колычев) (1566–1568) и Дионисий (1581–1586). Для наиболее влиятельных групп – троицкой, кирилловской и волоколамской – и выходец из Соловецкого монастыря, и настоятель одной из новгородских обителей «своими» не являлись. Не рассматривая их участия в политической жизни страны (в первом случае оно было связано с критическим отношением к опричнине, во втором – с поддержкой противников Годуновых), зафиксируем несомненный факт: в момент конфликта с влиятельными светскими лицами представители церковной элиты заметной поддержки ни Филиппу, ни Дионисию не оказали. Судя по данным источников, во время суда над Филиппом архиереи – большинство из них составляли иосифляне и близкие к ним лица – первосвятителя не поддержали, а некоторые из них присоединились к обвинителям⁵⁰. Ничего не сообщают источники и о поддержке руководителей Церкви Дионисию в октябре 1586 г. Во всяком случае после его ухода они продолжили служить на своих кафедрах⁵¹. Как показывает судьба Даниила и Иоасафа (Скрипицына), принадлежность к влиятельной группе не гарантировала сохранения кафедры в сложной политической ситуации. Однако она создавала условия для ухода (сразу или спустя какое-то время) в «свой» монастырь, где первосвятитель мог доживать век с комфортом (Даниил последние годы провёл в Иосифо-Волоколамском, Иоасаф – в Троице-Сергиевом монастырях)⁵². Очевидно, Иов был знаком с печальным опытом предшественников.

На первый взгляд, располагавший широкими полномочиями и поддержкой всесильных Годуновых Иов мог насытить иерархию представителями «своей» группы, создав наряду с троицкой, кирилловской и волоколамской ещё и «старницкую». Однако в реалиях того времени это не получилось. Средний по своим размерам и влиянию провинциальный монастырь⁵³ не мог подготовить значительное число кандидатов на замещение кафедр, обладавших соответствующим

⁵⁰ Позднее Житие Филиппа сообщает о поддержке его казанским архиепископом Германом (Садыревым-Полевым) (*Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: исследование и тексты.* СПб., 2006. С. 185). Однако суд имел место в 1568 г., а Герман скончался годом ранее во время мора.

⁵¹ Единственным исключением стал, вероятно, также происходивший из Новгорода ставленник Дионисия крутицкий епископ Варлаам (Пушкин) (1583–1586), вслед за патроном смещённый с кафедры.

⁵² Это касалось не только первосвятителей, но и прочих архиереев. Покинувшие не по своей воле Новгородскую кафедру Серапион I и Феодосий последние годы жизни провели, соответственно, в Троице-Сергиевой и Иосифо-Волоколамской обителях в атмосфере всеобщего уважения в кругу учеников.

⁵³ На рубеже XVI–XVII вв. в находящейся в зените своих возможностей старицкой обители проживали 73 инока (Описные книги старицкого Успенского монастыря... С. 62), в Иосифо-

уровнем образования. Лишь самые крупные обители, располагавшие значительными библиотеками и опытными наставниками, могли подготовить руководителей Церкви⁵⁴. Конечно, из прочих обителей они тоже выходили, но их число гораздо ниже: если в XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря вышли не менее 18 архиереев, из Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского – примерно по десятку, то из прочих – как правило, не более двух. Неудивительно, что в период правления Иова мы не видим иерархов, которых можно связать со старицким Успенским монастырём (деятельность выходца из него троицкого архимандрита Дионисия (Зобниновского) (ок. 1570–1633) пришлось уже на первую треть XVII в.)⁵⁵.

В этой ситуации поставление на кафедры не принадлежавших к важнейшим внутрицерковным группам лиц, представлявших ряд порой весьма удалённых друг от друга монастырей, являлось едва ли не единственным возможным решением. Однако только к этому сводить особенности состава епископата эпохи Иова нельзя. На расширение географии духовного происхождения архиереев своё влияние могла оказать общая тенденция в изменении состава Священного собора, прослеживаемая на протяжении всего рассматриваемого столетия. Если ядро Собора неизменно составляли епископы, то состав прочих приглашённых к участию в нём лиц изменялся.

Главной тенденцией в его эволюции было, с одной стороны, увеличение численности участников, с другой, расширение их географии. На Соборе 1525 г. помимо архиереев представлены настоятели исключительно столичных – Симонова, Чудова, Спасо-Андроникова и Богоявленского монастырей. На Соборе 1531 г. присутствовали представители тоже четырёх обителей, но место столичного Богоявленского занял владимирский Рождественский монастырь. В конце 1547 г. на Соборе зафиксированы игумены пяти монастырей (к предыдущим прибавился Новоспасский)⁵⁶, на Соборе 1549 г. – 13 (помимо столичных – Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский, Можайский Лужецкий и Троице-Сергиев монастыри)⁵⁷. Десять монастырей представлены были на Соборе 1555 г.: помимо московских и подмосковных это владимирский Рождественский, Пафнутиев Боровский и новгородский Юрьев⁵⁸. Составленная в 1563 г. «Лествица» (по сути, номинальный список участников Собора) приводит уже 39 наиболее значимых обителей, представлявших все основные регионы страны⁵⁹. Число реальных участников Собора

Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях – по 150–200, Троице-Сергиевом – не менее 220 (Усачёв А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 110–111).

⁵⁴ Усачёв А. С. Монастырские библиотеки и состав церковной элиты в России XVI века // Кирило-Методиевские студии. Кн. 32. Манастирски библиотеки в јужнославјанските земи и Русија през XIV–XVI век. Доклади от Меѓународната научна конференција 26–28 април 2021 г. Софија, 2022. С. 351–370.

⁵⁵ Можно предположить, что в близкий период из старицкого Успенского монастыря происходил прибывший 1 ноября 1571 г. в тихвинский Успенский монастырь вместо умершего игумена Кирилла Герман «Старечанин» (ПСРЛ. Т. 30. М., 2009. С. 158). Его дальнейшая судьба неизвестна.

⁵⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 154, 159, 165. С. 425, 427, 442–443, 454.

⁵⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 139.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 250.

⁵⁹ Алексеев А. И. «Лествица духовных властей» митрополита Макария // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 38. СПб., 2019. С. 259.

было, конечно, скромнее — в 1566 г. речь шла о 14 монастырях⁶⁰, в 1572 г. — о 13⁶¹. В последующие годы попытки расширить состав Освященного собора продолжались. На Соборе 1580 г. свои подписи поставили настоятели 28 обителей, на Соборе 1584 г. — 22⁶². На утвердившем патриаршество в России Соборе 1589 г. зафиксированы настоятели уже 42 русских обителей⁶³. Тенденция к расширению состава участников Освященного собора достигла апофеоза на избравшем на царство Бориса Годунова Соборе 1598 г. (Освященный собор составлял значимую часть Земского собора). Там представлено 55 монастырей⁶⁴ всех регионов страны. Нетрудно заметить, что расширение состава Освященного собора пришлось на эпоху Макария и Иова. Последний продолжил и усилил тенденцию, заложенную первым.

Оба иерарха делали одно дело, расширяя численность и географию представительства значимых духовных лиц на Освященном соборе. Однако было и важное отличие. Макарий, увеличивая число настоятелей на Освященном соборе (прежде всего, на Соборе 1555 г., а также в «Лествице»), сохранял определённую замкнутость епископата от подавляющего большинства обителей. Если к участию в работе Собора привлекали или планировали привлечь настоятелей десятков обителей, расположенных в различных регионах, то формирование епископата оставалось привилегией нескольких значимых монастырей. В деятельности Иова такого разрыва между участниками Собора не наблюдалось. Его состав — как в части настоятелей, так и в части архиереев — был гораздо «равномернее»: с точки зрения духовного происхождения (места пострига и длительного проживания) и настоятели, и архиереи представляли едва ли не все регионы страны.

Очевидно, что стремление Иова расширить состав Собора связано с повышением статуса Русской церкви в 1589 г. Система управления одной из вселенских Церквей не могла ограничиваться узким кругом обителей по преимуществу Москвы и Подмосковья. Иерархия должна была соответствовать новому положению Русской церкви. Требовался более представительный круг духовных лиц более высокого статуса. С этим, в частности, и связано увеличение числа кафедр, а также преобразование архиепископских кафедр в митрополичьи и ряда епископских — в архиепископские. Стремлением повысить статус ряда региональных монастырей продиктовано их включение в состав монастырской иерархии. Очевидно, что поставление архиереев из числа иноков этих монастырей также укрепляло их авторитет. Впервые постриженник казанского Спасо-Преображенского монастыря Гермоген возглавил Казанскую кафедру (1589). Выходец из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Галактион стал архиереем, заняв Суздальскую кафедру (1594). При несомненной древности новгородский Антониев монастырь после присоединения Новгорода к Московскому государству не дал ни одного архиерея. В 1605 г. ситуацию

⁶⁰ Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 180–181.

⁶¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (далее — ААЭ). Т. 1. СПб., 1836. № 284. С. 330.

⁶² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 40, 43. С. 57–58, 61.

⁶³ Идея Рима в Москве XV–XVI века: Источники по истории русской общественной мысли. Рим, 1993. № 28. С. 188–190.

⁶⁴ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 41–42.

исправили: выходец из этой обители Кирилл (Завидов), некоторое время руководивший Троице-Сергиевым монастырём, возглавил Ростовскую кафедру. С очевидным стремлением придать общерусское звучание ряду региональных монастырей — Вологды, Казани и Поморья — связано и установление общерусского почитания их подвижников.

Резюмируя, отмечу, что к концу XVI в. в составе русского епископата произошли «тектонические сдвиги». Время доминирования близких к великокняжескому двору значимых внутрицерковных групп — троицкой, кирилловской и волоколамской — и древнейших монастырей Москвы ушло в прошлое. Их носящая личный характер связь с московскими государями установилась в эпоху собирания земель — в начальный период открытой конфронтации с Ордой (Троице-Сергиев монастырь), во время Большой феодальной войны (Кирилло-Белозерский) и в последние десятилетия образования основной территории страны (Иосифо-Волоколамский). Под влиянием ряда факторов — ослабления монастырей в период эпидемий 1560–1570-х гг., поставления на Всероссийскую кафедру лица, не принадлежавшего к влиятельной внутрицерковной группе, обострившейся в условиях очевидного угасания династии борьбы за власть, стремления властей ограничить рост монастырского землевладения с целью предотвращения окончательного обнищания «класса служилых землевладельцев» — эта связь ослабла. Руководствуясь различными соображениями, Иов довёл до логического конца начатый митрополитом Макарием процесс расширения церковной иерархии за счёт привлечения к деятельности Освященного собора иноков провинциальных монастырей. Епископат вобрал в себя выходцев из Новгорода, Пскова, Казани, Вологды, Корелы, Дорогобужа и Поморья. За биографиями отдельных иерархов и различными шагами Иова, а также, вероятно, Годуновых, которые нередко диктовались соображениями конъюнктурного характера, проступают очертания длительного и не всегда заметного процесса — приведения системы церковного управления в соответствие с новыми политическими реалиями. Шла постепенная трансформация церковной элиты Великого княжества Московского (в его границах XIV в.) в сообщество руководителей Церкви единого государства, управляемого царём и патриархом.